

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Фёдорова Ксения Валентиновна

**МЕЖСЛАВЯНСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ
В КОННОТАТИВНОМ И ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АСПЕКТАХ**

Специальности 10.02.01 – Русский язык
10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Казань 2013

Работа выполнена на кафедре истории русского языка и славянского языкознания ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук
Николаева Татьяна Михайловна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Мокиенко Валерий Михайлович

кандидат филологических наук, доцент
Косова Вера Алексеевна

Ведущая организация ФГАОУВПО «Волгоградский
государственный университет»

Защита состоится «30» октября 2013 г. в 10.00 на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 по присуждению учёной степени доктора филологических наук при ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420021, г. Казань, ул. Татарстан, д.2.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Автореферат разослан «___» сентября 2013 г.

Учёный секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

Т.Ю.Виноградова

Общая характеристика работы

Актуальность исследования обусловлена тем, что в лингвистической литературе почти отсутствуют работы, в которых явления межъязыковой интерференции, в частности, феномен энантиосемии, анализировались бы основательно и последовательно в сравнительном аспекте с привлечением данных многочисленных славянских языков. Необходимость комплексного исследования проблемы вызвана тем, что до сих пор вопрос о языковой природе энантиосемии и связанных с ней причинах возникновения данного явления не получил системного решения. Мало изучены процессы, которые приводят к появлению эмоционально-оценочных образований в результате семантических трансформаций в славянских языках, иначе говоря, межъязыковая интерференция в коннотативном аспекте. Наконец, отсутствуют научные изыскания, анализирующие указанное явление на материале переводов художественных текстов.

Исследование является актуальным и потому, что проблема сравнительно-сопоставительного изучения языков находится в русле основных тенденций современной лингвистической науки с её пристальным вниманием к вопросам языка и его взаимосвязи с мышлением, национальной картиной мира, культурой, социальными и политическими событиями. Рост интенсивности межкультурных контактов в современном мире определяет потребность общества в появлении контрастивных исследований в области языкознания, тем более, что для российской филологической науки характерна в целом слабая освещённость темы интерференции родственных языков, в том числе - недостаточная разработанность вопросов межславянской энантиосемии. В связи со сказанным представляется важным использование данных зарубежных авторов, до сих пор незнакомых отечественной науке, с целью введения в сферу научных дискуссий.

Объектом исследования являются славянские лексические межъязыковые соответствия в области энантиосемии, то есть совпадающие в плане выражения и различающиеся вплоть до полной противоположности в плане содержания. В работе представлено более 100 энантиосемичных рядов на межславянском уровне, а также приведены некоторые наиболее оригинальные с точки зрения современной отечественной лингвистики примеры межславянских омонимов.

Предмет исследования - особенности словоупотребления межславянских энантиосем, нашедшие своё отражение в лингвокультурных картинах славянского мира и в переводах текстов русской литературы на

другие славянские языки (и наоборот), а также семантические изменения, которые претерпели изучаемые лексические единицы в процессе языкового развития.

Материалом для исследования послужили 11 славянских языков: русский, украинский, белорусский, болгарский, сербский, хорватский, македонский, словенский, польский, чешский, словацкий.

Отбор материала производился из одно- и двуязычных толковых, этимологических и фразеологических словарей. Обработке подверглись лирические произведения русских поэтов XX в. и их переводы на славянские языки. Привлекались также данные Национального корпуса русского языка и сведения, полученные из Интернета.

В ходе исследования применялись следующие **методы** в их взаимосвязи и взаимодействии:

- метод анализа словарных дефиниций в сочетании с методом контекстуального анализа с целью сбора лингвистического материала;
- описательный, способствующий эффективной классификации исследуемого материала;
- сравнительно-типологический, предполагающий сопоставительный анализ межъязыковых омонимов и энантиосем в русском и других славянских языках;
- синхронно-диахронный метод, позволяющий рассматривать полученные данные в аспекте эволюции;
- метод структурно-семантического анализа, необходимый для определения характера семантической трансформации интерферем.

Теоретическо-методологической основой исследования послужил ряд работ отечественных и зарубежных лингвистов, посвящённых различным аспектам явления интерференции, в том числе - энантиосемии. В диссертации используется термин «интерференция», введённый представителями Пражского лингвистического кружка, разработанный словацким учёным-филологом М. Затовканюком, и предложенная им номинация - «интерферема», а также термины «энантиосемия», «энантиосема», автор которых – чешский лингвист В. Шерцль. Основные труды, на которые мы опираемся, принадлежат следующим учёным, внесшим вклад в изучение явлений интерференции и энантиосемии: К. Абелю, Ш. Балли, Э. А. Балалыкиной, В. В. Виноградову, Е. М. Марковой, В. М. Мокиенко, Л. А. Новикову, А. А. Реформатскому, В. И. Шерцлю, А. Д. Шмелёву.

Работа выполнена в соответствии с традициями Казанской лингвистической школы с привлечением данных истории русского языка и этимологии.

Цель работы заключается в комплексном и многоаспектном исследовании явления межъязыковой интерференции, в частности — энантиосемии русского в сопоставлении с другими славянскими языками: украинским, белорусским, болгарским, сербским, хорватским, македонским, словенским, польским, чешским, словацким.

В соответствии с поставленной целью предполагается постановка следующих **задач**:

- 1) решение проблемы терминологического аппарата;
- 2) обоснование представления о межъязыковой омонимии и энантиосемии как подвидах интерференции;
- 3) определение критериев, послуживших основой для классификации интерферем с целью систематизации разнородного и объёмного языкового материала;
- 4) отбор словарного материала для выявления случаев межъязыковой энантиосемии, а также подробное описание состава энантиосем в сфере всех славянских языков с привлечением данных их исторической эволюции;
- 5) иллюстрация функционирования данных словоформ в современных межславянских контекстах, чтобы показать специфику их словоупотребления в речевой практике;
- 6) установление причин развития явления энантиосемии в славянских языках;
- 7) исследование процессов, приводящих к появлению эмоционально-оценочных образований в результате семантических трансформаций;
- 8) выявление специфики трактовки омонимов и энантиосем, а также типов контекстуальных трансформаций в славянских переводах поэзии русских авторов XX в.;
- 9) выработка практических рекомендаций для устранения ошибок, связанных с интерференцией в процессе обучения русскому языку как иностранному и наоборот;
- 10) составление таблицы энантиосем на межславянском уровне с дальнейшей перспективой создания словаря.

Научная новизна работы обусловлена, в первую очередь, выявлением факторов, определяющих феномен интерференции. Новым является сам материал: впервые исследование основывается на сравнении русского и 10 славянских языков. Сравнительный анализ контекстуальных трансформаций русского и других славянских языков представляет собой первый опыт

создания алгоритмов изучения теории перевода с русского на родственные славянские языки (и наоборот), что позволило более полно представить способы интерпретации авторами энантиосем в текстах стихотворного перевода.

Новым является и выявление критериев, определивших семантическую противопоставленность слов в сравнительном межславянском аспекте: описаны отношения между ними, показано их семантическое и стилистическое своеобразие в лексико-семантических системах славянских языков. При этом использован живой иллюстративный речевой славянский материал.

В процессе исследования открыт случай так называемой «перекрёстной энантиосемии» на межславянском уровне, а сам термин введён в научный оборот.

Составлена таблица межславянских интерферем, демонстрирующая соотношение семантически идентичных и полярно противоположных значений лексем всех славянских языков по отношению к русскому.

Теоретическая значимость. Представленная работа – результат исследований, способствующих созданию системной картины сложных, подчас неоднозначных явлений взаимосвязи и взаимодействия славянских языков, позволяющих решить вопросы, связанные с этимологией, лексикологией, стилистикой, а также говорить о вкладе в теоретические основы контрастивной лингвистики. Теоретические положения диссертации служат уточнению таких понятий, как интерференция, энантиосемия, омонимия, коннотация, эмоциональность, экспрессивность, переводческие трансформации (генерализация, конкретизация и т.д.) в системе родственных языков.

Работа вносит вклад в сравнительно-историческое языкознание, в частности, в разработку теоретических проблем, касающихся межъязыковой интерференции в русском и других славянских языках. Заполняя лакуны в славянской лексикологии и семасиологии, исследование расширяет и обогащает представления о научных направлениях в указанных областях. Анализ семантической структуры русских слов в зеркале других близкородственных языков с привлечением данных этимологии способствует более глубокому пониманию закономерностей эволюции родного языка.

Углублённое изучение разнообразных типов авторских трансформаций, общих для славянских языков и специфических для каждого из сравниваемых языков, их стилистики и семантики вносит существенный вклад в разработку проблем теории перевода. Введение нового языкового материала дополняет существующие лингвистические данные о межъязыковой энантиосемии и

способствует расширению представлений исследователей об указанном феномене. Полученные результаты вносят вклад в интерпретационную семантику, разработку моделей контекстуального анализа переводных художественных текстов.

Практическая значимость. Результаты данной работы могут найти практическое применение как при составлении общего типологического описания всех славянских языков, курса контрастивной славянской лексикологии и учебно-методических пособий по сопоставительной фразеологии, лексикологии, словообразованию, так и в лексикографии - при создании двуязычных словарей.

Практическая ценность определяется также возможностью использовать материал работы в сравнительно-типологических исследованиях, в курсах общего и сравнительно-сопоставительного языкознания, стилистики, анализа художественного текста, специальных курсах по теории и практике перевода, при разработке спецкурсов для студентов, изучающих русский и другие славянские языки. Отдельные положения и выводы работы могут быть применены в учебных курсах по истории русского литературного языка.

Исследование приобретает значимость в аспекте лингводидактики в процессе обучения русскому языку иностранцев, преимущественно носителей славянских языков. Методологическое значение исследования проявляется также в обучении русских студентов славянским языкам, что позволяет избежать ошибок, вызванных межъязыковой интерференцией. Особенно важно отметить знание и учёт процессов интерференции в переводческой деятельности.

Приложение в виде таблицы межславянских интерферем (более 100 энантиосемичных рядов) может быть использовано в лексикографической и дидактической практике.

Теоретические положения проведённой работы и полученные результаты могут применяться при проведении подобных исследований на материале других языков.

Основные положения, выносимые на защиту:

- 1) Межъязыковую омонимию и межъязыковую энантиосемию необходимо рассматривать как самостоятельные компоненты лексической системы языка, являющиеся подвидами межъязыковой интерференции;
- 2) Энантиосемия - активное, продуктивное явление в русском и других славянских языках, а также на межъязыковом уровне;

- 3) Энантиосемия трактуется как лексико-семантическое языковое явление, включающее в себя лексемы, имеющие общую этимологию, идентичные в плане выражения и прямо противоположные в плане содержания;
- 4) Семантический критерий является наиболее объективным для классификации межславянских энантиосем и установления границ между энантиосемией и омонимией в славянских языках;
- 5) Расхождения лексических значений славянских языков, вплоть до полярных, не случайны. Первопричиной возникновения и развития межъязыковой энантиосемии является синкретизм общеславянской основы. Формированию данного явления способствуют также экстралингвистические факторы;
- 6) Межъязыковые соответствия типа омонимия и энантиосемия могут рассматриваться как актанты одного из наиболее продуктивных механизмов словообразования – семантического;
- 7) В качестве результатов семантической трансформации выявлены: переход бывших энантиосем в разряд омонимов, а также обратный процесс – появление на базе омонима нового слова с антитезным значением по отношению к своим славянским коррелятам, что обусловило развитие межъязыковой энантиосемии;
- 8) Трактовка интерферем в славянских переводах имеет свою специфику и сводится к определённым переводческим приёмам;
- 9) Интерференция как источник ошибок в речи изучающих неродной славянский язык определяет особую преподавательскую стратегию, основанную на формировании коммуникативных компетенций и базирующуюся на выявлении типичных речевых недочётов учащихся и использовании в работе специальных упражнений.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования нашли своё отражение в докладах на зарубежных и отечественных научных конференциях:

- «Проблемы межславянской интерференции при переводе и обучении русскому языку в инославянской среде», Международный научно-образовательный форум «III Белградская встреча славянских русистов», Белградский университет, г. Белград, Сербия, 13-14.01.2011;
- «Энантиосемия на межславянском уровне», Итоговая научная конференция профессорско-преподавательского состава, аспирантов, соискателей и студентов филологического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия, 4.02.2011;

- «К вопросу об энантиосемии в русском и других славянских языках», II Международная научно-практическая конференция «Русский язык в полицентричном мире: проблемы и перспективы», МГИМО, г. Москва, Россия, 17-18.02.2011;
- «Проблемы межславянской интерференции при переводе», Международная научно-практическая конференция «Современная славистика и научное наследие С.Б. Бернштейна», МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, 15-16.03.2011;
- «Межславянская энантиосемия: причины возникновения и факторы развития», Международная научно-практическая конференция «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XII Кирилло-Мефодиевские чтения», Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, г. Москва, Россия, 16-21.05.2011;
- «К вопросу о коммуникативной природе явления интерференции (на примере славянских языков)», Международная научная конференция «Язык и культура» им. проф. Сергея Бураго, Институт филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Институт языковедения им. А. А. Потебни НАН Украины, Институт психологии имени Г. С. Костюка АПН Украины, Институт высшего образования АПН Украины, Издательский Дом Дмитрия Бураго, г. Киев, Украина, 20-23.06.2011;
- «Переводческие ошибки в ракурсе межъязыковой интерференции», XIII Международная конференция «Европейская русистика и современность», университет им. Адама Мицкевича, г. Познань, Польша, 11-14.09.2012.

Результаты работы над 4 главой диссертационного исследования «Межславянская интерференция в переводческой деятельности и практике преподавания» прошли апробацию в учебном процессе в Польше: в Лодзинском университете (2009 г.), в период факультативного преподавания русского носителям польского языка в рамках проекта «Школа лидеров» в Варшаве и Жешове (2011 г.), а также в Казанском (Приволжском) федеральном университете, в студенческой аудитории на занятиях по изучению родственного польского языка русскоговорящими студентами и на практических занятиях по переводу (2012 г.).

Работа обсуждалась и была рекомендована к защите на заседании кафедры истории русского языка и славянского языкознания К(П)ФУ.

Структура работы определяется целями и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, четырёх глав и заключения, библиографии и приложения. Каждая глава содержит выводы.

Во «Введении» обосновывается выбор и актуальность темы, определяются цели и задачи работы, методы изучения материала, отмечается новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, указывается круг источников и степень изученности данной проблемы.

Первая глава «Семантический критерий классификации межславянских интерферем» посвящена анализу теоретического материала.

В разделе 1.1. «К вопросу о понятии «интерференция»» речь идёт о природе и сущности явления интерференции, обобщается материал по теме, предлагается интерпретировать данный феномен не как случай отклонения от нормы в ситуации билингвизма, но как языковой процесс «наложения» семантики слова одного языка на семантическую структуру другого, имеющего генетически родственные корни и находящегося с ним в тесном речевом контакте. В результате в языке происходят системные изменения, в первую очередь, возникновение и развитие таких подвидов лингвистической интерференции, как межъязыковая омонимия и энантиосемия.

Значимым в работе является анализ лингвистической трактовки энантиосемии. В научной литературе фигурируют различные обозначения этого явления – от «противосмысла» до «омоантонимии», от «ложных друзей переводчика» до «обманчивых когнатов», что свидетельствует об отсутствии единой точки зрения на данный феномен. Мы различаем межъязыковые энантиосемы и омонимы, которые отличаются от так называемых «ложных лексических параллелей» или «ложных друзей переводчика» тем, что совпадения и расхождения в семантике определяются не «случайностью», а общей этимологией, происхождением лексем. Сказанное исключает использование предлагаемых терминов по отношению к «интернациональным словам».

Вопрос о месте энантиосемии в лексической системе славянских языков также не нашёл однозначного решения в отечественных и зарубежных лингвистических исследованиях: в научных работах данная категория рассматривается как особое явление многозначности или разновидность полисемии, лексическая омонимия, подвид антонимии и т.п. Из результатов проведённого исследования можно заключить, что энантиосемия так же, как омонимия, антонимия, синонимия, представляет собой самостоятельную категорию лексической семантики, поскольку обладает объёмной лексико-семантической характеристикой: совпадением в плане выражения и полным, полярным расхождением в плане содержания.

В разделе 1.2. «Семантические критерии классификации межславянских энантиосем» утверждается, что при решении проблемы систематизации отобранного языкового материала ведущая роль принадлежит семантическому показателю, поскольку смысловой критерий классификации энантиосем на межславянском уровне представляется нам наиболее оптимальным и объективным, в отличие от формального критерия, учитывающего степень графического и фонетического сходства, факт совпадения в одной или всех грамматических формах и т.д.

Благодаря тому, что лексемы, составляющие объект нашего исследования, были систематизированы в соответствии с лексико-семантическим содержанием, нам удалось выяснить, что наибольшее количество энантиосем наблюдается в оппозиции русского к западнославянским языкам (чешскому, польскому, словацкому), в подгруппе восточнославянских языков они практически отсутствуют, что объясняется экстралингвистическими факторами - общностью культур и религий, не позволившей лексемам развить противоположные значения. Полагаем, что наибольшее количество лексем, разошедшихся в значениях вплоть до полной противоположности в русском и западнославянских языках, объясняется посредством семантической оппозиции «свой – чужой», которая восходит ещё к архаическим верованиям о том, что все люди «извне», не принадлежащие ближайшему сообществу, представляют собой чуждую нам, непонятную, а значит инородную сторону. Другими словами, то, что для нас – еда (русс. *еда*), то для «них» - отравы (чеш. *jed* – «яд»), а то, что для «чужих» - еда (ср. польск. *potrawa*, чеш. *potrava* – «еда»), то для нас – яд (русс. *отрава*).

Считаем целесообразным распределение энантиосем в соответствии с семантическими критериями, а именно:

1. **Положительная – отрицательная оценка:** *вреден* (макед.), *vrijedan* (хорв.), *vreden* (словен.) – ценный, стоящий. Сравните: *вредный* (русс.) – способный причинить вред, *вреден* (болг.) - ненужный, неважный.

2. **Противоположный характер действия:** *попирать* (русс.) – ущемлять, грубо нарушать, *popierat'* (словац.) – оспаривать. Сравните: *popierać* (польск.) - поддерживать, поощрять, сочувствовать.

3. **Разнонаправленность действия:** *вылететь* (русс.) – полететь откуда-либо наружу. Сравните: *vyletiť* (словац.) – влететь.

4. **Степень интенсивности действия:** *догнивать* (русск.) – сгнивать, разлагаться. Сравните: *доугнивам* (болг.) – становиться зрелым (о фруктах и т.д.).

5. **Субъект – объект действия:** *купец* (русск.) – лицо, занимающееся частной торговлей, владеющее торговым предприятием (устар.). Сравните: *купец* (макед.) – покупатель (разг.).

6. **Противопоставленность по социальному положению:** *дворянство* (русск.) – господствующий класс, элита. Сравните: *dvorianstvo* (словац.) – придворные слуги, дворня.

7. **Степень проявления звука (неясный, негромкий – хорошо выраженный, чёткий):** *немой* (русск.) – тихий, затаённый. Сравните: *немы* (белорус.) – истошный, громкий, отчаянный.

8. **Степень подвижности (статичный, спокойный – подвижный, активный):** *чинный* (русск.), *чынны* (белорус.) – спокойный, послушный. Сравните: *činný* (словац.) – активный, подвижный.

9. **Живой – мёртвый:** *rokojný* (словац.), *rokojný* (чеш.) – спокойный, тихий, мирный (о живом человеке). Сравните: *покойный* (русск.), *покійний* (укр.) – мёртвый.

10. **Возрастная характеристика (взрослый – ребёнок):** *детина* (русск.) – рослый и сильный молодой мужчина. Сравните: *dziecina* (польск.) – маленький ребёнок, малютка.

В разделе 1.3. «Спорные случаи энантиосемии на межславянском уровне» выявлены и проанализированы лексемы, находящиеся на стыке энантиосемии и омонимии, требующие дополнительного комментирования.

Во второй главе «Причины, обусловившие возникновение и развитие энантиосемии» рассматриваются вопросы, связанные с изменением первоначальных значений лексем вплоть до развития противоположной семантики. Было установлено, что феномен энантиосемии не возник стихийно, он явился результатом внутрилингвистических закономерностей, а также воздействия экстралингвистических факторов. Вопрос о происхождении

энантиосемии связан с изучением языковых фактов в диахронии, при этом каждое слово требует индивидуального рассмотрения.

Первопричиной семантических расхождений мы полагаем синкретизм значения общеславянской основы. В ходе эволюции языка и мышления эта синкретичность разрушалась, и значения дифференцировались. Из общей сферы понятия постепенно выделялись конкретные семантические оттенки, которые порой оказывались антонимичными друг другу. Таким образом, существование лексем близкородственных славянских языков, исторически восходящих к одному этимону и развивающих противоположные смыслы, является ярчайшим доказательством закономерности появления энантиосемии на межславянском уровне.

В древнерусском языке значение слова *младенец* не было однозначным, это и «дитя», и «подросток», и «юноша». Причина - в многоплановости, неопределённости признака производящей основы «младъ» (из *molden), что увеличило потенциальную подвижность мотивированных слов и вызвало внутреннюю противоречивость, которая впоследствии отразилась в русском (*младенец* - «дитя»), словацком (*mládenec* - «молодой человек; холостяк»), чешском (*mládenec* - «парень»), польском (*młodzienc* - «молодой человек»), словенском (*mladenič* - «юноша, молодец») и сербском (*младенци* - «молодожёны»), хорватском (*mladenci* - «молодожёны») языках. Данный пример служит доказательством того, что отсутствие чёткой маркированности характера действия, заложенного в производящей основе, другими словами - неопределённость семантики этимона, обусловило возможность противоположного смыслового развития.

Привлекает внимание своеобразный энантиосемичный «перекрёсток» - явление «перекрёстной энантиосемии» на межславянском уровне: русское *младенец* по принципу «ребёнок - взрослый» вступает в отношения противопоставления с *mládenec* (словац.), *mládenec* (чеш.), *młodzienc* (польск.), *mladenič* (словен.) и *младенци* (серб.), *mladenci* (хорв.), в то же время словацкое *mladenec* (в значении «холостяк») противостоит сербскому *младенци* и хорватскому *mladenci* («молодожёны») по определению «холостой — женатый».

К лингвистическим причинам относятся также:

1. Недостаточная чёткость определения субъектно-объектных отношений: *gostitъ* (русс.) - «быть в гостях» и *hostiť* (словац.), *gościć* (польск.) - «угощать, принимать гостей».

2. Неразграниченность активно-пассивных отношений: **заложник** (русск.) - «насильственно задержанный человек» и **založník** (чеш.) - «защитник».
3. Различная степень интенсивности действия, заложенная в производящей основе: **рушить** (русск.) - «уничтожать с применением грубой силы, резко» и **ruszyć** (польск.), **рушыць** (белорус.) - «слегка тронуть, шевельнуть».
4. Неисконное семантическое расхождение лексем, связанное с языковой эволюцией: **никнуть** (русск.) - «склоняться, пригибаться, становиться слабее по силе, степени проявления» и **никнути** (серб.), **никна** (болг.), **nikniti** (словен.), **изникне** (макед.) - «возникать, появляться, произрастать».
5. Воздействие аффиксов на формирование значения той или иной лексемы. Способность к выражению противоположных значений в первую очередь связана с теми словообразовательными средствами, которые оформляют разные словообразовательные типы в близкородственных языках. Ярче всего словообразовательная межъязыковая энантиосемия проявляет себя в приставочных глаголах, так как именно приставка несёт информационную нагрузку, связанную с характеристикой действия: **запомнить** (русск.) - «сохранить в памяти» и **zapomnieć** (польск.) - «забыть»; **известить** (русск.) - «лишить жизни» и **изведе** (макед.), **известити** (серб.) - «произвести на свет, создать» и др.
6. Народная этимология: **уйма** (русск.) - «большое количество, множество» и **ujma** (словац.), **ujma** (польск.) - «повреждение, ущерб».
7. Частотность использования в специфическом контексте: **труп** (русск.) - «мёртвое тело, мертвец, покойник» и **trup** (чеш.) - «торс, тело человека», **trup** (словац.), **trup** (словен.), **trup** (серб.), **trup** (хорв.) – «туловище человека».
8. Фонетическое сближение, то есть смещение значения слова до противоположного под влиянием фонетических законов: **ропот** (русск.) - «недовольство, выражаемое в приглушённой форме; неясные звуки» и **rapot** (словац.) - «стук», **ропот** (болг.) - «гул, шум», **ropót** (словен.) - «грохот».

В ходе работы были выделены и другие факторы развития межславянской энантиосемии. Невозможно не сказать о психолингвистическом факторе, находящемся на стыке лингвистических и экстралингвистических причин. Особенности человеческого мышления, безусловно, влияют на природу языковых процессов. Согласно психолингвистическому фактору, развитие антонимичных значений обусловлено полярной оценкой предмета и его качества носителями того или иного языка, например, «красивый - безобразный»: **вродливий** (укр.), **urodziwy** (польск.) - **уродливый** (русск.) и др.

Помимо собственно лингвистических, а также психолингвистических причин межславянской энантиосемии необходимо отметить воздействие экстралингвистических факторов, среди которых особое место занимает взаимосвязь процессов развития языка с историей народа. Выпадение слова с когда-то закреплённым за ним значением из обращения в разные промежутки времени объясняется постепенным сокращением его употребления, вызванным изменениями системы языка в целом в связи с возможными преобразованиями в обществе. В качестве иллюстрации приведём пример из чешского языка, где ныне малоупотребительное слово *poběda* фиксируется некоторыми чешскими толковыми словарями в значении «поражение». *Победа* является производным от «беда» («по беде», то есть «после беды»), при этом исход беды (войны, голода, битвы / сражения и т. д.) мог быть разным. Потенциально противоположные результаты спровоцировали развитие у слова *победа* антонимичных значений: «боевой дух» и «поражение». Второе значение, энантиосемичное современному, отмечается в семантически синкретичном древнерусском глаголе *победить* - «разорить, убить». В современном болгарском языке *победен* - не «победный», а «побеждённый». По мнению некоторых исследователей, утрате словом «победа» значения «поражение» и закрепление за ним современной семантики способствовали исторические условия 1-й половины XVIII века, когда Россия одерживала значительные военные победы.

Важно указать также на эмоциональный фактор, провоцирующий употребление слова в несвойственном ему значении под влиянием эмоций говорящего. Это тот случай, когда чешское *zápach*, словацкое *zápach* со значением «вонь» становятся в оппозицию с русским *запах* только в случае положительной маркированности значения в русском языке, которое лексема приобретает в соответствующем контексте или языковой ситуации: *Какой запах!* (в саду, где благоухают розы).

В третьей главе «Эмоционально-оценочные дериваты как результат семантических трансформаций» основной акцент сделан на выявление и анализ коннотативных «наращений» среди исследуемых лексем, что представляет известную трудность, так как зачастую они не представлены в словарях. Необходимо отметить, что наряду с лексемами, экспрессивность которых была заложена в процессе номинации, выделяются слова, получившие эмоционально-оценочный компонент в результате их семантической эволюции. Перенос значения осуществляется по общим принципам вторичной номинации,

которые в разных языках имеют собственные особенности метафоризации, в то же время выделяются и общие ассоциации, свойственные разным народам.

В разделе 3.1. «Семантические трансформации лексем, способствующие переходу омонимов в энантиосемы (и обратный процесс)» подчёркивается, что типология исследуемых языковых единиц по принципу производности-непроизводности является необходимым средством выявления процесса, связанного с энантиосемией, приводящего к приобретению лексемой дополнительного, эмоционально-оценочного значения. Семантическая трансформация в рамках производных образований способствует возникновению дополнительной коннотации дериватов.

В этом отношении интерес представляет лексема **чёрствый**, восходящая к *kert - «бить, ударять» в значении «твёрдый, жёсткий, крепкий». Это значение выявляется и при обращении к истории языка: в древнерусском «чърствъ» также обозначало «твёрдый, крепкий». В современном русском языке лексема приобрела семантику «несвежий, жёсткий, утративший мягкость» (как правило, в сочетании с существительным «хлеб»), в некоторых других славянских языках сохранило сему «свежий». Значение «твёрдый, крепкий, жёсткий» отмечается до сих пор в ряде южнославянских языков: македонском, сербском, хорватском. Оно послужило основой развития противоположных сем: с одной стороны, «крепкий» - «твёрдый» - «чёрствый» (о хлебе), с другой – «крепкий» - «здоровый, бодрый» - «свежий». Как видим, конечные точки этих направлений и образовали полярные смыслы: «чёрствый» - «свежий», благодаря чему данные лексические значения вступили в отношения антитезы. Помимо русского языка, значение «чёрствый» (о хлебе) получили его соответствия в украинском, польском языках. Другое направление развития семантики, вторичное, связанное с обозначением крепости здоровья, бодрости, отмечается в словенском, сербском, хорватском, польском языках. На основе значения «здоровый, бодрый» развилось «быстрый, проворный, ловкий». Оно отмечается в семантической структуре рассматриваемого слова в чешском языке (*čerstvé děvče* - «ловкая, проворная девушка», *čerstvý kůň* - «быстрый конь», *čerstvý krok* - «быстрый шаг»), а также болгарском, где **чевръст** - «быстрый, ловкий», **чевръсто** - «быстро», **чевръстина** - «быстрота». В русских диалектах также отмечается слово **чёрствый** в значении «смелый, ловкий». В словацком языке дальнейшая трансформация привела к большому объёму сочетаемости: *čerstvý vzduch* – «чистый воздух», *čerstvé zprávy* – «последние, свежие новости», а также *čerstvý absolvent* – «начинающий специалист». В русском языке **чёрствый** приобретает переносное эмоциональное значение благодаря

сочетаемости с лексемой «человек» в значении «бездушный, неотзывчивый, лишённый чуткости». Новая характерологическая функция атрибутива **чёрствый** («начинающий специалист — бездушный человек») способствует утрате им энантиосемичного значения и переходу в разряд омонимов.

Изучению в работе подвергся и противоположный процесс, в ходе которого один из межъязыковых омонимов развивает новое значение и вступает в энантиосемичную корреляцию по отношению к другим.

Показателен процесс развития дополнительных коннотативных значений у слов, которые пережили деэтимологизацию, то есть некогда были дериватами, но к современному состоянию свою производность утратили, а потому их первоначальная мотивированность может быть восстановлена с трудом. Так, общеславянское **уста**, имеющее значение «рот, губы», маркировано в русском языке как устаревшее, книжное. Украинское **уста** и польское **usta** в том же значении входят в активный словарный запас и характерны для нейтрального стиля речи. Однако болгарское **уста** наряду с «рот» развило пейоративное значение «пасть», в связи с чем данная лексема встаёт в семантическую и стилистическую оппозицию по отношению к этимологически родственному **уста** (русск.), маркированному как архаичное, высокое, книжное.

Суффиксальные параллельные образования в родственных языках также могут развивать коннотативные значения и вступать в отношения энантиосемии: **умник** (русск.), употребляемое в ироническом контексте, часто насмешливо и **умник** (болг.) – «мудрец»; **старец** (русск.) – «старый, мудрый человек, к которому обращаются за советом» и **старец** (укр.) – «нищий старик» и др.

Раздел 3.2. «Энантиосемия в лингвокультурном аспекте» посвящён изучению явления, когда нейтральное или положительно маркированное слово в одном языке получает негативную окраску в другом, близкородственном языке и наоборот. Такое семантическое расхождение может послужить основой для рождения каламбура. Так, русское **женщина** неверно будет понято чехами в контексте: *твоя мать – прекрасная женщина*, так как **ženština** (чеш.) – «женщина свободного поведения, уличная, гуляющая девка». То же в словацкой лексеме **níeviestka**, имеющей ярко выраженную негативную окраску – «проститутка, публичная женщина» в сравнении с русским **невестка** – «замужняя женщина по отношению к родным её мужа».

Отдельно рассматриваются особенности функционирования устойчивых выражений с антропоцентричным компонентом. Например, болгарский аналог

выражения *старая дева* - *стара мома* (*остана стоя си стара мома* - «засидеться в девках») иллюстрирует феномен межславянской энантиосемии в синтагматическом аспекте, так как *дева* (болг. *мома*) имплицитно содержит атрибутив «молодая», антонимичный прилагательному «старый». То же наблюдаем на межславянском уровне: словацкое *starý mládenec* - *старый холостяк* коррелирует с русским однокорневым *старый младенец*, что само по себе невозможно.

Особое внимание уделяется анализу межславянской паремиологии. В качестве примера может послужить сербское *као majka napiti se, pijan kao majka* (дословно «напиться, как мать») – «напиться в стельку», «мертвецки пьяный». Носителям русского языка, воспринимающим лексику *мать* как позитивно окрашенную, подобного рода сочетания кажутся неприемлемыми. Происхождение устойчивого выражения *pijan kao majka* объясняется тем, что в Сербии и Болгарии был распространён особый способ обезболивания страданий во время родов для рожениц - их поили ракией.

Как правило, фразеологическая энантиосемия не является объектом самостоятельного изучения, её рассматривают или в совокупности с лексической и словообразовательной энантиосемией, или же фразеологический материал привлекается исключительно с целью иллюстрации некоторых тенденций наряду с лексическими примерами. Между тем, фразеологические единицы представляются нам наиболее склонными к развитию антитезных значений. Объяснение находим в самой специфике устойчивых сочетаний, которые, являясь результатом вторичной номинации, характеризуются экспрессивностью и ситуативностью, то есть употреблением в конкретных контекстах. Анализ явлений вторичной номинации, и фразеологии в том числе, обнаруживает общность многих моделей русского и других славянских языков. Многочисленные случаи совпадения коннотативных характеристик в разных славянских языках говорят о тесных и давних связях между славянскими народами, их культурами, о близости мифологических представлений, наконец, об относительной общности явлений окружающего мира. В несовпадении эмоционально-оценочного потенциала той или иной фразеологической единицы, более того, в расхождении значений, вплоть до полярных, проявляются особенности менталитета народов, что объясняется ассоциативным характером человеческого мышления: сравним русское *назойлив как муха* и болгарское *tih kao muha*.

В четвертой главе «Межславянская интерференция в переводческой деятельности и практике преподавания» главное внимание уделено

отражению специфики перевода с русского на славянские языки и со славянских языков на русский в ракурсе межъязыковой интерференции. Именно генетическая близость языков создаёт для переводчиков особые трудности, состоящие в стилистическом, лексико-семантическом и грамматическом неравенствах фонетически похожих, а порой и тождественных слов. Наша задача – исследовать специфику функционирования интерферем (энантиосем и омонимов) в поэтических текстах русских авторов XX в., среди которых такие выдающиеся мастера, как В. Брюсов, М. Цветаева, С. Есенин, Б. Пастернак, А. Ахматова, В. Маяковский, В. Высоцкий, Б. Окуджава и в переводах их поэзии на славянские языки. С целью полноценного изучения феномена мы также приводим в качестве иллюстрации несколько фрагментов из творческого наследия поэтов, пишущих на славянских языках и их переводов на русский. Выбор материала – поэтических текстов XX века – обусловлен данными, полученными в результате работы с «Национальным корпусом русского языка», которые показали: употребление энантиосем и омонимов является наиболее частотным в литературе именно этого периода.

Особый предмет рассмотрения – случаи ошибочного перевода, приводящие, на наш взгляд, к искажению авторской идеи. Так, типичной ошибкой, связанной с межславянской энантиосемией, является неверная трактовка лексемы **никнет** некоторыми славянскими переводчиками в стихотворении А. А. Ахматовой «Я научилась просто, мудро жить»: *Когда шуршат в овраге лопухи / И **никнет** гроздь рябины жёлто-красной, / Слагаю я весёлые стихи / О жизни тленной, тленной и прекрасной.* Лексема **никнуть** используется в значении «опускаться, пригибаться», имеет антитезное значение по отношению к сербскому **никнути**, болгарскому **никна**, словенскому **níkniti** и македонскому **изникне, поникне** в значении «прорасти, взойти, пробиться». Отсюда – ошибочный перевод на болгарский язык К. Георгиева: *Щом репеи в дерето шумолят / и щом офика цветен грозд **възнася**, / ще бѣде в стиховете ми богат / животът тленен, тленен и прекрасен,* где **възнася** – «возносится, поднимается вверх». Приведённый пример служит весомым доказательством значительного влияния интерференции на переводы даже профессиональных специалистов, владеющих на высоком уровне неродным языком.

Необходимо отметить, что четвёртая глава выполнена в русле функциональной лингвистики, так как здесь проводится анализ контекстуально-нетрансформированных и контекстуально-трансформированных лексических единиц при переводе. Практика анализа на основе концепции переводческих трансформаций впервые используется

применительно к славянским языкам. Было установлено, что, как правило, стремясь избавиться от двусмысленности, рождаемой явлением энантиосемии/омонимии, переводчик **актуализирует одно из значений лексемы** при помощи добавления слов при переводе, иначе говоря, конкретизации контекста. Реже с целью сохранения в тексте эффекта многогранности переводчик прибегает к **обобщению**, то есть **генерализации**, в таком случае сам перевод провоцирует появление дополнительной семантической многоаспектности текста. Наконец, переводчик может попытаться **оказионально интерпретировать** смысл текста вплоть до замены художественного образа или описываемой автором ситуации. Встречаются также случаи намеренного **пропуска фрагмента**, что является одним из способов уйти от необходимости трактовки лексем, относящихся к разряду межъязыковых энантиосем, омонимов и может свидетельствовать о непрофессиональном подходе автора перевода к своей работе. Нередко, стараясь избежать пробелов в стихотворении, переводчик прибегает к **компенсации** целого ряда семантических потерь, вызванных феноменом межъязыковой интерференции. В переводах такого рода существует опасность семантических сдвигов, ведущих к искажению авторской мысли.

Перевод как специфический вид речевой деятельности находит широкое применение в учебной практике и используется в том числе как средство повышения эффективности овладения неродным языком. Понимание интерференции как процесса, приводящего к отклонению от нормы, должно определять стратегию методики обучения иностранным языкам. В работе приведена классификация наиболее типичных ошибок, связанных с интерференцией на лексико-семантическом уровне и включающих в себя как энантиосемию, так и омонимию:

1. **Неправильное понимание значения префиксального слова.** В словацком языке глагол *odsúhlasit'* - «согласиться, согласовать, одобрить» может быть неправильно интерпретирован из-за приставка *od-/om-*, которая в русском языке оформляет глаголы с разнообразными словообразовательными значениями, ни одно из которых не совпадает с приставочным словацким глаголом: русское **отпрыгнуть, отбежать** - «совершить движение в сторону от предмета», **отклеить, отрезать** - «отделить часть от целого», **отдать** - «лишиться чего-либо» и др. Поэтому носитель русского языка будет воспринимать данный глагол как обозначение действия, связанного с отказом согласиться с чем-либо.
2. **Неудачный выбор суффиксального слова.** Так, суффикс *-ик* в некоторых сербских словах не имеет субъективно-оценочного значения: **борик** -

«сосновый лес», *брезик* - «берёзовая роща», в отличие от русских *садик*, *котик* и т.п.

3. Полная замена лексической единицы одного языка лексемой другого. Причиной коммуникативной неудачи могут стать такие лексические параллели с русским, как: сербские *трудна* - «беременная», *казнити* - «наложить штраф» (*Эта трудная женщина – его жена; Полиция казнила хулигана*); болгарские *булка* - «невеста, новобрачная», *сложен* - «накрытый (стол)», *сказка* - «доклад, лекция» (*На фотографии он стоял рядом с булкой; Среди комнаты был сложен стол; Депутаты прослушали сказку о положении в стране*) и др.

4. Незнание стилистической окраски слов изучаемого языка, внешне сходных с лексемами родного языка: сербское *издахнути* - слово высокого стиля, которое на русский язык уместно перевести как «скончаться», а не «сдохнуть», а *допрети* - это нейтральное по своему употреблению «дойти», в отличие от русского «допереть».

5. Неправильное употребление фразеологических, семантически неделимых словосочетаний. Так, польские студенты могут *zjeść konia z kopytami*, то есть дословно «съесть коня с копытами», тогда как голодный носитель русского языка *слона бы съел*.

6. Ошибочное построение словосочетаний: словаки едят *polievkovou lyžicou* («супной ложкой»), русские – *столовой ложкой*, словаки видят *l'adového medveda* («ледового медведя»), а русские – *белого медведя* и т.д.

7. Несовпадение некоторых формально похожих вербальных и невербальных форм коммуникативного поведения, принятых у разных славянских народов. Поляки считают безнравственным хвалиться своими успехами и внешним видом, напротив, этические нормы предписывают им акцентировать внимание на скромной оценке собственной личности. Именно поэтому в ответ на комплимент: *Ale masz fajną fryzurę!* («Какая у тебя классная причёска!») представительница Польши ответит: *Nawet nie uczesałam się dzisiaj* («Я даже не причесалась сегодня»). Подобная коммуникативная реакция способна вызвать недоумение у русскоговорящих студентов, так же, как и у поляков негативную реакцию спровоцирует ответ на комплимент: *Да, спасибо, я знаю*.

Подобные ошибки могут обуславливать коммуникативные неудачи, снижающие интерес к изучению языка, и, как следствие, ведут к стремлению избегать использования в речи сходных по форме лексем, тормозят процесс изучения языка и ухудшают качество речи. В работе мы предложили наиболее продуктивные упражнения для изучающих близкородственный славянский язык. Данные рекомендации имеют универсальный характер и найдут своё

применение в процессе обучения русскому языку славян (белорусов, украинцев, поляков, чехов, словаков, сербов, хорватов, болгар, словенцев, македонцев).

В **заключении** обобщаются наблюдения и выводы диссертации в соответствии с задачами, поставленными в начале работы. К основным результатам исследования можно отнести следующие:

1. Предлагается авторское понимание феномена межъязыковой интерференции.
2. Обосновывается необходимость дифференцированного подхода к межъязыковой омонимии и энантиосемии как к самостоятельным компонентам лексической системы языка, представляющим собой подвиды межъязыковой интерференции.
3. Семантический критерий является наиболее объективным для классификации межславянских энантиосем и установления границ между энантиосемией и омонимией. Отобранный лексический материал систематизирован в соответствии с выделенными критериями.
4. Детальное описание состава энантиосем в сфере всех славянских языков с апелляцией к данным их истории способствовало установлению причин развития феномена межъязыковой энантиосемии русского по отношению к другим славянским языкам. Первопричиной возникновения и развития межъязыковой энантиосемии является синкретизм общеславянской основы. Получены доказательства того, что феномен энантиосемии не возник стихийно, а явился результатом как внутрilingвистических закономерностей, так и психолингвистических, экстралингвистических факторов.
5. Иллюстрация функционирования конкретных словоформ в современных межславянских контекстах стала отправной точкой в исследовании процессов, приводящих к появлению эмоционально-оценочных образований в результате семантических трансформаций. Доказано, что межъязыковые омонимичные и энантиосемичные соответствия могут рассматриваться как актанты одного из наиболее продуктивных механизмов словообразования – семантического.
6. Анализ поэтических текстов русских авторов XX века с точки зрения особенностей перевода интерферем (энантиосем и омонимов) с русского на другие славянские языки показал, что специфика трактовки интерферем (энантиосем и омонимов) в славянских переводах требует определённых переводческих приёмов.
7. Дана классификация типичных ошибок, обуславливающих коммуникативные неудачи изучающих славянские языки, в том числе - русского как иностранного, связанных с интерференцией.

8. Составлен перечень наиболее продуктивных упражнений для изучающих близкородственный славянский язык. Система упражнений направлена не только на исправление ошибок, вызванных межславянской интерференцией, но и на их предупреждение.

9. Приведена таблица энантиосем славянских языков, которая способна не только облегчить работу по поиску языкового материала, но и послужить базой для словаря энантиосем одиннадцати славянских языков.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

- 1) Эмоционально-оценочные производные в аспекте межславянской энантиосемии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. - 2011. - № 2 (14). - С. 120-124. (0,4 п.л.)
- 2) Межславянская интерференция в переводах поэзии Владимира Высоцкого // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2012. - №7 (18). - Ч. II. - С. 201-205. (0,7 п.л.)
- 3) Художественный перевод в межславянском литературном пространстве (стилистический, лексико-семантический, грамматический аспекты) // Учёные записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». - 2012. - Т.154, кн.5. - С. 118 - 125. (0,6 п.л.)

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

- 4) Категория глагольного вида на межславянском уровне (морфологический, словообразовательный, семантический аспекты) // Современные проблемы лингвистики и лингводидактики: концепции и перспективы: материалы Междунар. заоч. науч.-метод. конф. (г. Волгоград, 15 апреля 2011 г.): в 3 ч. - Ч. III. - Волгоград: ВолГУ, 2011. - С. 38-44. (0,3 п.л.)
- 5) Проблемы межславянской интерференции при переводе и обучении русскому языку в инославянской среде // Русский язык как инославянский. - Вып. III. - Белград: Славистическое общество Сербии, 2011. - С. 185-194. (0,7 п.л.)
- 6) Межславянская энантиосемия: причины возникновения и факторы развития // Диалог культур: Россия – Запад – Восток: материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции,

- взаимодействие. XII Кирилло-Мефодиевские чтения» (17 мая 2011 г.) (Посвящается 45-летию Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина). - М.; Ярославль: Ремдер, 2011. - С. 78-83. (0,3 п.л.)
- 7) К вопросу об энантиосемии в русском и других славянских языках // Русский язык в полицентричном мире: проблемы и перспективы: материалы II Международной научно-методической конференции (Москва, МГИМО(У) МИД России, 17-18 февраля 2011 г.). - М.: МГИМО Университет, 2011. - С. 230-231. (0,1 п.л.)
- 8) Синкретизм как первопричина развития энантиосемии в славянских языках // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: материалы IX Международной конференции (Владимир, 22-24 сентября 2011 года). - Владимир: ВГГУ, 2011. - С. 491-495. (0,2 п.л.)
- 9) К вопросу о коммуникативной природе явления интерференции (на примере славянских языков) // Мова і культура: науковий журнал. - Вип. 14. - Т. VII (153). - Киев: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2011. - С. 147-153. (0,4 п.л.)
- 10) Проблемы межславянской интерференции при переводе // Современная славистика и научное наследие С.Б. Бернштейна: сб. ст. - М.: Ин-т славяноведения РАН, 2011. - С. 409-411. (0,2 п.л.)
- 11) Трудные случаи межславянской интерференции // Информационные технологии и письменное наследие: материалы IV Междунар. науч. конф. (Петрозаводск, 3-8 сентября 2012 г.) / Отв. ред. В.А. Баранов, А.Г. Варфоломеев. - Петрозаводск; Ижевск, 2012. - С. 267-272. (0,4 п.л.)

Отпечатано в типографии
«Деловая полиграфия»
420111, г. Казань, ул.М. Межлаука, 6
т/ф (843) 292-08-43
e-mail: depokazan@mail.ru

Подписано в печать 26.09.2013 г.
Бумага офсетная Тираж 100 экз.
Заказ № 205/2013

